
Р. Г. МУРАДОВ

АРХИТЕКТУРА МЕРВА И ХОРЕЗМА В ИССЛЕДОВАНИЯХ В. И. ПИЛЯВСКОГО

Статья посвящена вкладу профессора Ленинградского инженерно-строительного института Владимира Ивановича Пилявского (1910–1984) в изучение наиболее значительных средневековых архитектурных памятников Мерва, Куня-Ургенча и Миздахкана, а также европейской застройки Ашхабада и других туркменских городов, возникшей в конце XIX в. Рассматриваются основные вехи его биографии, дается обзор и оценка его публикаций по этой тематике.

Ключевые слова: Ленинград, Туркменистан, Ашхабад, Байрам-Али, Мервский оазис, Хорезмская экспедиция, Куня-Ургенч, Миздахкан.

DOI: 10.34920/1694-5794-2020-29

Цитирование: Мурадов Р. Г. Архитектура Мерва и Хорезма в исследованиях В. И. Пилявского // Вестник МИЦАИ. Вып. 30. Самарканд, 2020. С. 127–136.

ТАК СЛОЖИЛОСЬ, что среднеазиатская историческая архитектура в XX в. находилась в фокусе внимания в основном московских специалистов (Н. М. Бачинский, И. С. Бородина, В. Л. Воронина, Б. П. Денике, Б. П. Засыпкин, В. А. Лавров, А. М. Прибыткова, Г. Н. Томаев, С. Г. Хмельницкий) и их ташкентских коллег (М. С. Булатов, Н. С. Гражданкина, Л. Я. Маньковская, И. И. Ноткин, Г. А. Пугаченкова, Л. И. Ремпель и др.). И хотя пионером в изучении зодчества Средней Азии еще в конце XIX в. был профессор Санкт-Петербургского университета иранист В. А. Жуковский, в дальнейшем питерские / ленинградские архитекторы-исследователи в регионе не работали¹. Исключение составляет хорошо известный в профессиональных кругах историк архитектуры Владимир Иванович Пилявский (1910–1984).

Знают его в основном как специалиста по русской и западноевропейской классике, но кроме целой серии книг о великих зодчих Петербурга – Росси, Стасове, Кваренги и их знаменитых творениях, кроме многократно переизданного

вузовского учебника “История русской архитектуры” и книг об архитектуре Рима и Парижа он оставил ценные труды по архитектурному наследию Центральной Азии. Более того, Пилявский наряду со своим московским коллегой Николаем Михайловичем Бачинским (1896–1965) во второй половине 1930-х гг. фактически стал основоположником полевых историко-архитектурных исследований в Туркменской ССР. Объектами его пристального интереса на протяжении всей творческой жизни были выдающиеся архитектурные памятники Мерва и Куня-Ургенча, а также европейская застройка Ашхабада и других туркменских городов, возникшая в конце XIX в.

Он много раз приезжал в эти края, поддерживал дружеские связи с ашхабадскими историками, археологами и архитекторами, был их неформальным ленинградским поверенным, к которому всегда можно было обратиться за советом и консультацией – не только в профессиональном плане, но и по личным делам. Владимир Иванович был настоящим русским интеллигентом и типичным ленинградским профессором того поколения, на чью долю выпали все катаклизмы ранней советской эпохи и кто завершил свой земной путь в стабильной и, как тогда казалось, долговечной стране.

Уроженец Вильны (нынешнего Вильнюса), Пилявский окончил среднюю школу в Курске, куда переехали его родители, и в 1924 г. поступил там в Промышленно-экономический техни-

¹ Труды таких выдающихся представителей Санкт-Петербургского востоковедения, как В. В. Бартольд, А. М. Белицкий, А. Н. Бернштам, О. Г. Большаков, А. Ю. Якубовский и многих других являются базовыми для изучения политической истории, этнографии и археологии Центральной Азии, но история архитектуры ни для кого из них не была профильной дисциплиной.

Ил. 1. Владимир Пилявский. 1937 г.

кум. Получив среднее специальное образование, в 1928 г. был зачислен в Ленинградский институт инженеров промышленного строительства (ЛИИПС), который окончил в 1933 г. с квалификацией инженера-архитектора. В том же году вступил в Союз архитекторов СССР. Год отработки провел в Хабаровске – начальником сектора казарменного строительства Особой Краснознаменной дальневосточной армии. Вернувшись в Ленинград, заведовал кабинетом архитектуры в ЛИИПС, а в 1936 г. поступил в аспирантуру Ленинградского института инженеров коммунального строительства (ЛИИКС) – бывшего Петербургского института гражданских инженеров, затем переименованного в Ленинградский инженерно-строительный институт (ЛИСИ). Ныне это Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет (СПбГАСУ). Вся дальнейшая деятельность Пилявского была связана с этим вузом – старейшим в России высшим учебным техническим заведением по подготовке высококвалифицированных архитекторов и строителей.

В начале своей профессиональной деятельности В. И. Пилявский работал проектировщиком в основном промышленных сооружений. В 1930-е гг. по его чертежам строились заводские объекты в Перми, Уфе и Белорецке, осуществлена реконструкция дворовых фасадов Ленинградского университета, надстройки Новобиржевого гостиного двора Кваренги и корпуса Мраморного дворца (в соавторстве с Я. К. Кетчером). В 1936

г. вместе с коллегами Пилявский предложил схему распределения территории генплана Курска – города, который он прекрасно знал с детства. В его послужном списке значатся должности руководителя кабинета архитектуры ленинградского Дома архитекторов (1934–1939), ассистента кафедры истории архитектуры в ЛИИКС (1939–1941).

Когда началась война, на фронт он не попал по состоянию здоровья, а с ноября 1941 г. в течение последующих пяти лет занимал пост главного архитектора Главного адмиралтейства и пережил все девятьсот дней ленинградской блокады. Впоследствии был награжден медалями “За оборону Ленинграда”, “За победу над Германией”, несколькими юбилейными медалями, а также орденом “Знак Почета”. В 1943 г. он вступил в КПСС, в 1944 г. в качестве эксперта вошел в состав Государственной комиссии по расследованию злодеяний фашистских захватчиков, которая работала два года. Владимир Иванович продолжал проектную практику до 1946 г., когда, уже защитив кандидатскую диссертацию, сосредоточился на преподавательской и научно-исследовательской работе в ЛИСИ. В 1956 г. он успешно защитил докторскую диссертацию, стал деканом архитектурного факультета (до 1957 г.) и с 1958 г. до конца своих дней оставался профессором кафедры истории архитектуры. С 1959 г. почти ежегодно, а иногда и дважды в год ездил в Италию и другие страны Европы, собирая материалы для своих книг. В 1976 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный архитектор РСФСР».

Таковы в общих чертах вехи биографии ученого, чье наследие составляет несколько монографий, десятки научно-популярных книг и статей в основном по двум темам, в которых он был глубоким знатоком: русская архитектура XVIII-XIX веков и средневековая архитектура Центральной Азии. Эта вторая его профессиональная страсть сложилась во многом благодаря случайной встрече.

В сентябре 1935 г. в Ленинграде проходил III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Любопытный молодой человек ходил слушать доклады знаменитых востоковедов, которые приехали в город на Неве из США, Европы, Ирана, а также из других городов СССР. В кулуарах он познакомился с археологом Александром Александровичем Марущенко (1904–1976), приехавшим из Ашхабада и сделавшим блестящий доклад об открытиях двух парфянских городищ Нисы. Этот человек, по мнению его младших коллег, «был и остается лучшим знатоком прошлого Туркменистана, основоположником туркменской археологии, первопроходцем» (Пилипко 2005: 8). Завязалась переписка,

в которой Марущенко настойчиво приглашал Пилявского поехать в Туркмению, где остро не хватало специалистов его профиля. Поддержал это намерение и старший коллега – профессор Ленинградского института живописи, скульптуры и архитектуры (ЛИЖСА имени И. Е. Репина) Николай Борисович Бакланов (1881–1959), чей семинар по изучению памятников архитектуры Пилявский посещал в 1934 г. На своих лекциях Бакланов много рассказывал о среднеазиатских исторических городах и их памятниках, особенно подробно – о Куня-Ургенче, где в 1928 г. ему довелось работать в качестве архитектора в составе экспедиции ГАИМК – Государственной академии истории материальной культуры (Якубовский 1930).

Наконец, летом 1937 г. аспирант кафедры истории архитектуры Владимир Пилявский (ил. 1) прибыл в свою первую командировку в Ашхабад. Он принял участие в экспедиции Туркменского государственного научно-исследовательского института истории (ТГНИИИ), возглавляемой опытным архитектором-реставратором Н. М. Бачинским. Экспедиция направилась в район города Байрам-Али и в числе других имела целью обследовать сырцовые сооружения в пределах стены Султан-кала – сельджукской части Мерва, а также в её окрестностях. Эта задача и была возложена на Пилявского.

В течение июля и августа он тщательно осмотрел, сфотографировал, зарисовал и обмерил следующие сооружения:

1) гофрированное здание в Шахрияр-арке – резиденции сельджукских султанов (по номенклатуре экспедиции — сырцовое сооружение № 3);

2) два больших гофрированных сооружения, так называемые Большая и Малая Кыз-кала, к юго-западу от Султан-кала (сырцовые сооружения № 4 и 5);

3) небольшой чартак, называемый местным населением Кыз-биби (сырцовое сооружение № 2, между Большой Кыз-кала и стеной Султан-кала);

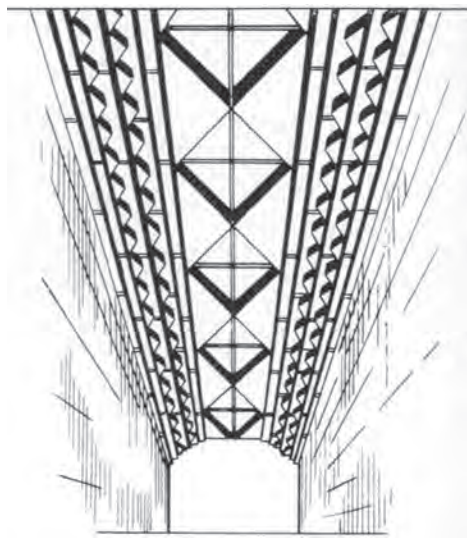
4) мавзолее султана Санджара;

5) мавзолее Мухаммеда ибн Зейда, в народе известный в то время как мечеть Мухаммеда Ханания и расположенный в 1,5 км западнее мавзолея султана Санджара;²

6) раннесредневековый замок Порсы-кёшк (сырцовое сооружение № 1, в 3 км к западу от мавзолея Мухаммеда ибн Зейда).

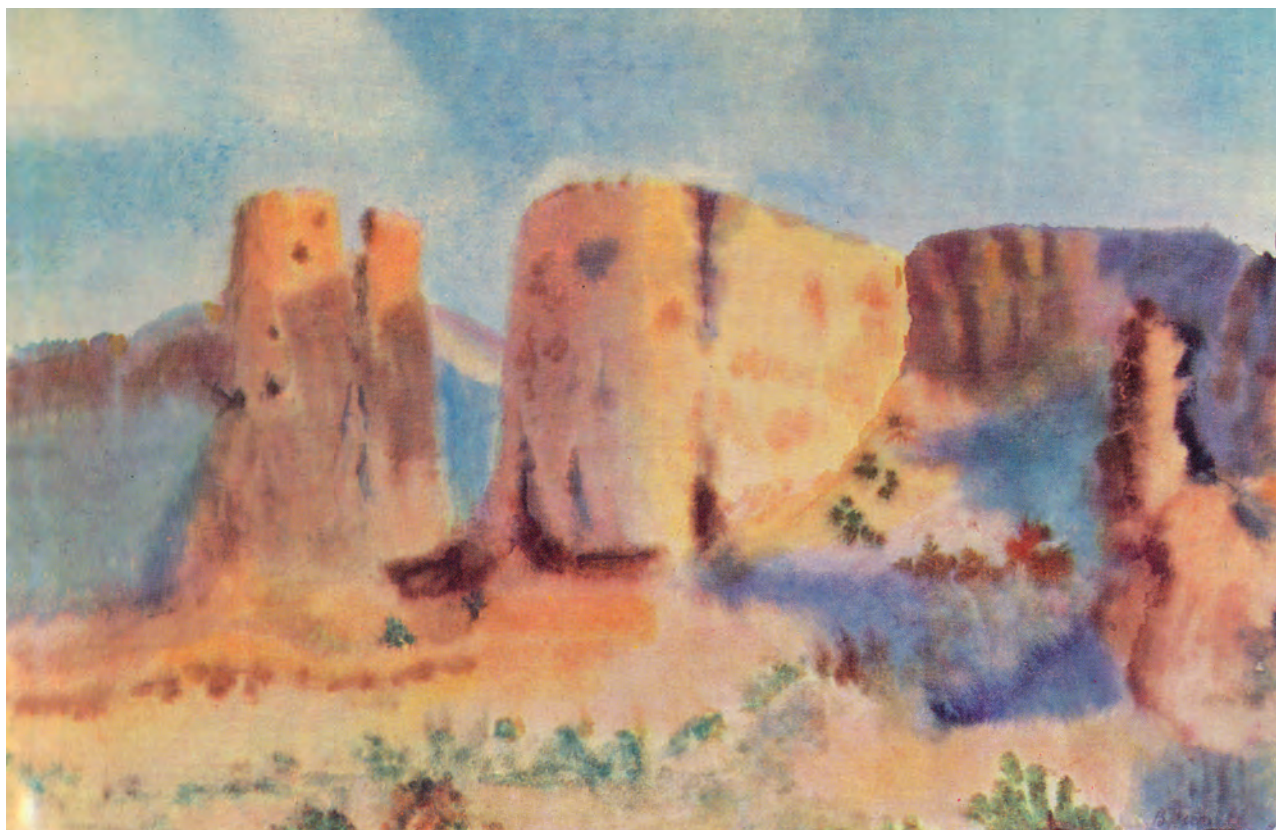
Кроме этих построек беглому осмотру подверглись сооружения вдоль дороги, ведущей на север от города Байрам-Али, мимо Султан-кала до Куртлы-депе (средневековый город Башан). Особенно заинтересовали Пилявского так называемый Дурнали-кёшк – гофрированная башня-динг севернее Куртлы-депе и Харам-кёшк, в котором хорошо сохранились перекрытия камер и коридоров. Он сделал перспективный рисунок редчайшего по конструкции потолка узкого (1,2 м) коридора (ил. 2), где ложный свод образован свесом горизонтальных рядов прямо и диагонально положенного кирпича. Совершенно бесценной стала его фиксация остатков пятничной мечети Башана, которые он успел обмерить и сфотографировать и от которых теперь на поверхности остался только сильно руинированный сырцовый минарет. Это был «памятник большой принципиальной значимости, иллюстрирующий процесс сложения специфического хорасанского типа мечети с дворовой композицией, главным элементом которой является глубокий сводчатый айван» (Пугаченкова 1958: 153–154; Хмельницкий 1992: 66–67).

Материалы, полученные Пилявским при обследовании Мервского оазиса, его графически оформленные обмеры позволили ответить на некоторые вопросы, связанные с этими зданиями, выяснить их конструктивную и архитектурную сущность. Однако, как позже отмечал сам иссле-

Ил. 2. Мервский оазис. Харам-кёшк. Перекрытие коридора. Рис. В. И. Пилявского. 1937 г.

² По обмерам В. И. Пилявского в том же году на средства ТГНИИИ и по проекту, который он разработал вместе с Н. М. Бачинским, приглашенные бухарские мастера Курбан Юлдашев с сыном Раби и Усто Юсуф восстановили рухнувший ранее купол мавзолея Мухаммеда Ибн Зейда, а также провели значительные ремонтно-восстановительные работы на памятнике. Его наружные сырцовые стены были укреплены сплошной облицовкой из жженого кирпича и контрфорсами. Опубликовано подробное описание этих работ с выдержками из дневника архитектора (Пилявский 1973).

Ил. 3. Измыкшир. Городские ворота. Акварель. Рис. В. И. Пилявского. 1938 г.

дователь, осталась актуальной работа по вскрытию еще не изученных в тот период частей сооружений (Пилявский 1947: 47).

В том же 1937 г. В. И. Пилявский был в Ташкенте, где по договору с институтом Узпланпроект выполнил два сугубо архитектурных заказа: проект двух корпусов Ташкентской инфекционной больницы, построенных в 1940 г., а также проект благоустройства территории ансамбля Надира Диван-беги в Бухаре (XVII в.). Три года спустя он принял участие в открытом конкурсе на проект жилища для Средней Азии.

Вторая поездка в Туркмению весной 1938 г. едва не закончилась для него плачевно. Как рассказывал Владимир Иванович много лет спустя, явившись прямо с вокзала в ашхабадский Институт истории, куда был вновь прикомандирован, в разгар рабочего дня он не обнаружил в здании института почти никого! Накануне были арестованы основные сотрудники: директор института, основоположник туркменской этнографии Г. И. Карпов, руководитель экспедиции Н. М. Бачинский, археологи П. В. Арбеков, С. А. Ершов и А. А. Марущенко, а также некоторые другие сотрудники, оказавшиеся на работе в тот злополучный день (Демидов 2001: 61). Это была обычная для НКВД периода большого террора практика

плановых арестов. Как ни цинично это звучит, но им еще повезло: пройдя через унижения и издевательства, почти все названные ученые избежали гибели. Через несколько месяцев они были отпущены и вернулись на свои рабочие места, так как заменить их оказалось совершенно некем. Все они были, в частности, задействованы в подготовке подарочной книги-альбома к 15-летию Туркменской ССР, запланированной к изданию в Москве.

Но тогда, покинув пустой институт, растерянный аспирант все-таки поехал, как было намечено, на север республики, в Ташаузскую область (нынешний Дашогузский велаят) и фактически в одиночку выполнил едва ли не весь запланированный объем разведочных и обмерных работ в левобережной части низовьев Амударьи. Его маршрут из Ташауза пролегал через крупные средневековые городища Змукшир (Измыкшир), Куняуаз, Шасенем, Ярбекир, Ширван-кала, Чардары-кала, Дэвкесен, а основным местом базирования стал, конечно, Куния-Ургенч. Разведка в заброшенных средневековых городах на границе Каракумов и в старых оазисах левобережного Хорезма фактически стала прологом будущих работ ХАЭЭ.

За неимением времени и средств Пилявский ограничился обмерами и фотосъемкой памятни-

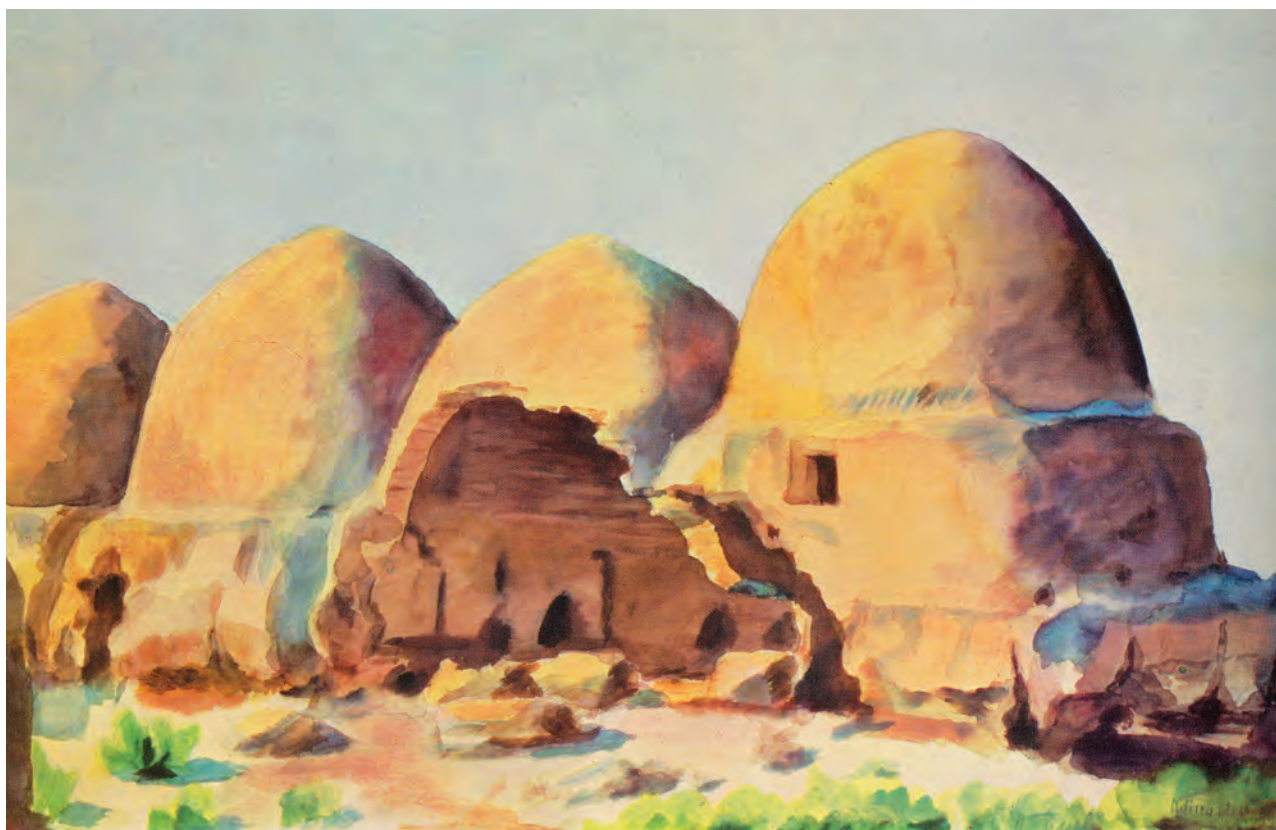
Ил. 4. Кептерхана (голубятня) в районе Йыланлы. Акварель. Рис. В. И. Пилявского. 1938 г.

ков, привлечших его особое внимание. Он сделал также серию акварельных этюдов, которые не просто передают вполне достоверно формы и пропорции изображенных объектов, но и служат образцами качественной пленэрной живописи (ил. 3). Частично они опубликованы (Карриев, Пилявский 1974). Среди памятников, которые он тогда зафиксировал и от которых теперь не осталось и следа, есть несколько редких сырцовых сооружений. Это группа так называемых *кептерхана* (построек с многочисленными ячейками в стенах интерьера, которые считаются голубятнями) в песках южнее поселка Йыланлы (ил. 4), а также руины медресе с яйцевидными глиняными куполами (ил. 5), располагавшееся на половине пути между Дэвкесеном и Куня-Ургенчем.³

В самом же Куня-Ургенче он обследовал фортификацию крепости Ак-кала на юго-восточной окраине городища, мавзолеи Иль-Арслана (Фахр-ад-Дина Рази), Текеша, Тюрабек-ханым, минарет

Кутлуг-Тимура, а затем сосредоточился на обмерах и фотосъемке архитектурного комплекса Наджм ад-Дина ал-Кубра и расположенного напротив него в композиции *кош* мавзолея султана Али. Этот небольшой ансамбль десятилетием ранее не был обмерен Баклановым, сделавшим первую профессиональную съемку самых крупных мавзолеев на городище, поэтому Пилявский лишь продолжил работу своего наставника. Двадцать лет спустя, в 1958–1959 гг., группа специалистов из Ташкента (архитекторы А. Н. Виноградов, И. И. Ноткин, В. Н. Ловкачев, археолог Б. Тургунов) осуществила более детальные обмеры этого ансамбля, как и других памятников Куня-Ургенча (Асанов 1971: 8–9). Но и обмеры двух мавзолеев, сделанные Пилявским, вполне достоверные, что подтвердили другие, более поздние исследования. Однако его схематические планы городищ достаточно далеки от реальности. Дело в том, что при съемке местности он использовал буссоль и мерную ленту, а эти инструменты не позволяют получить высокую точность планов на больших площадях. Но других возможностей тогда у него и не было, поэтому в публикациях можно видеть сильно искаженные планы таких, в частности, городищ как упомянутая Ак-кала, а также Шасенем и Дэвкесен (Карриев, Пилявский 1974: 172, 221, 225).

³ В. И. Пилявский называет его Сеид-медресе, о котором не осталось никаких иных свидетельств. Однако, очень похожее сооружение, известное как Гёклен-медресе, было зафиксировано и изучено Хорезмской экспедицией в 1956 г. (Вайнберг, Костин 1958). Вероятно, речь идет об одном и том же сооружении, ныне не существующем.

Ил. 5. Так называемое Сеид-медресе. Акварель. Рис. В. И. Пилявского. 1938 г.

Через 75 лет сделанные Пилявским фотоснимки двух кенотафов (ил. 6) в мавзолее знаменитого суфийского шейха ал-Кубра оченьгодились туркменским реставраторам во время работы по их реконструкции. Облицованные профильной майоликой интенсивных цветов и великолепного качества, эти кенотафы через несколько лет после его визита были почти полностью разбиты рухнувшим на них куполом мавзолея. Теперь восстановлена только их объемная масса и возвращены на свои места немногие уцелевшие фрагменты облицовки.

Из Куны-Ургенча Пилявский съездил в расположенный поблизости Миздахкан, где обследовал доисламскую цитадель Гяур-кала с гофрированными стенами и мавзолеем Мазлумхан-Сулу. Здесь он также стал пионером архитектурной фиксации и анализа совершенно необычного по объемно-планировочной структуре полуподземного памятника. В 1959 г. этот мавзолей стал объектом более углубленной работы архитекторов В. М. Филимонова и С. Б. Неумывайкина, которые внесли существенные коррективы в представления об этом сооружении. Правда, их попытка объявить этот объект «дворцом» поддержки не нашла и работавшие здесь впоследствии местные археологи исходили из вполне

очевидного погребально-культового характера Мазлумхан-Сулу (Ягодин, Ходжайлов 1970: 9; Кдырняязовы 2013).

В следующем, 1939 г. Пилявский вновь отправился в эти места, теперь как представитель Всесоюзной академии архитектуры в составе Хорезмской экспедиции ИИМК под руководством С. П. Толстова. Вместе собрались 16 специалистов разных направлений из восьми научно-исследовательских учреждений четырех республик и пяти городов. Полевой сезон растянулся на пять месяцев стационарных работ в зоне древнего орошения на правом берегу Амударьи, а также в разведках вдоль этой великой среднеазиатской реки ниже Чарджоу и вдоль древнего канала Чермен-яб (Толстов 1941: 156). Пилявский в этом сезоне занимался обследованием и обмером двух гофрированных построек в районе Турткуля: это замок Аяз-кала 2 и Кызыл-кала. Совместно с архитектором Газанфаром Ализаде он проследил внутреннюю планировку городища IV в. до н. э. – I в. н. э. Джанбас-кала и сделал его обмерный план (Толстов 1941: 162).

В том же году вместе с вышедшими на свободу ашхабадскими коллегами Бачинским, Ершовым и Марущенко он принял участие в издании сборника «Архитектурные памятники Туркмении», под-

Ил. 6. Куня-Ургенч. Мавзолей Наджм-ад-Дина ал-Кубра. Кенотафы. Фото В. И. Пилявского. 1938 г.

готовленного сектором истории материальной культуры ТГНИИИ под научной редакцией Н. В. Бакланова (*Пилявский* 1939). Этот коллективный труд долго оставался единственной попыткой создать общую картину архитектурного наследия молодой республики. Планировалось следом издать второй том, однако он не только не был опубликован, но, судя по всему, даже не подготовлен.

Вскоре в журнале «Архитектура Ленинграда» появилась первая обзорная статья Владимира Пилявского по собранным материалам среднеазиатского региона (*Пилявский* 1940), а следом – более специализированная работа в журнале «Архитектура СССР» (*Пилявский* 1941). Она посвящена теме, которая вызвала его особый интерес в ходе поездок по Мервскому оазису и Хорезму: это широко распространенный в среднеазиатской архитектуре в определенный исторический период приём оформления фасадов сырцовых сооружений гофрами. Приём этот, по словам исследователя, формировал необычайно сильный архитектурный образ, пластика которого даже в руинах оставляет неизгладимое впечатление (*Пилявский* 1950: 96). В своей работе он достаточно убедительно обосновал свой тезис о том, что гофрировка фасадов сырцовых сооружений имела не столько декоративный, сколько конструктивный характер.

После войны Владимир Иванович написал и свою первую книгу по Средней Азии, вышедшую в научно-популярной серии «Сокровища зодчества народов СССР», издававшейся Академией архитектуры (*Пилявский* 1948). В ней он кратко обобщил известный к тому времени материал по двум соседним городищам – Куня-Ургенчу и Миздахкану. Определил он и место уцелевших памятников Старого Ургенча в контексте исламской архитектуры средневековья. Его тезис был принят впоследствии другими специалистами, ничуть не устарел он и сегодня. «Эти образцы архитектуры, – писал Пилявский, – отражают две эпохи: домонгольского и монгольского Ургенча. И если мавзолеи Текеша и Фахр-ад-дин-Рази являются примерами местной, хорезмской культуры периода хорезмшахов, то памятники монгольского Ургенча отражают культуру не только Ургенча, но и, как доказал Якубовский, других важнейших центров Золотой Орды – столицы Сарай Берке и Сарай-Бату, от которых остались только археологические материалы. Далее, роль ургенчских памятников велика и потому, что они являются теми образцами, которые оказали влияние на тимуровское строительство, главным образом в области декоративного убранства» (*Пилявский* 1948: 43). Теперь можно лишь добавить,

что раскопки последующих десятилетий выявили следы этого влияния в архитектурном декоре золотоордынской архитектуры не только Поволжья, но и Северного Кавказа, Нижнего Поднепровья, Приазовья и Крыма.

Почти одновременно с книгой о Куны-Ургенче В. И. Пилявский опубликовал и сугубо научную работу о Мерве, в которой обобщил результаты своей двухмесячной экспедиции десятилетней давности (Пилявский 1947). В ней впервые даны описания, атрибуция, фотографии, планы, разрезы и графические реконструкции ряда памятников вне пределов городища Султан-кала. Само ядро сельджукского Мерва он не обследовал, эту задачу до него начал решать Бачинский, а в конце 1940-х – начале 1950-х продолжила Пугаченкова в составе ЮТАКЭ. Но она, естественно, опиралась и на эту, и на следующую его работу по архитектуре Древнего Мерва (Пилявский 1950), споря или соглашаясь с его интерпретациями изучаемых объектов (Пугаченкова 1958: 135–137, 157–158, 215–216). Различия их подходов хорошо иллюстрируют совмещенные схемы реконструкции фасадов замка Порсы-кала и мавзолея Ибн Зейда. Здесь видно, что они по-разному трактовали композицию этих памятников, опираясь на собственные представления о стилистических особенностях архитектуры Хорасана XI–XII вв. Но непримиримыми оппонентами, как это нередко случается среди ученых, они не были. В частности, под напором доказательств, представленных Пугаченковой относительно сфероконической формы полностью утраченного внешнего купола над мавзолеем султана Санджара (Пугаченкова 1958: 324–326), он отказался от своей первоначальной гипотезы о том, что перекрытие могло быть шатровым, в виде конуса, как на мавзолее Текеша (Пилявский 1950: 116).

К чести ученого, он никогда не упорствовал в отстаивании своих прежних утверждений, если новые данные, добытые другими исследователями, убедительно опровергали его первоначальные тезисы. Это касается и конструктивных особенностей отдельных памятников, и их атрибуции. Но он и не соглашался с теми утверждениями, которые казались ему ошибочными. Так, например, его полемика с И. И. Ноткиным и М. Е. Массоном относительно датировок куняургенчских мавзолеев султана Али и Тюрабек-ханым отражена в статье, опубликованной в журнале «Памятники Туркменистана» (Пилявский 1971).

В шестидесятые годы и в начале семидесятых Владимир Иванович не раз приезжал в Ашхабад по линии Союза архитекторов СССР, будучи членом правления Ленинградского отделения СА СССР и председателем секции теории, истории и

критики, а также возглавляя комиссию по охране и реставрации памятников. Побывал он вновь и там, где работал в молодости: посетил памятники Мерва и Хорезма тридцать с лишним лет спустя. Он активно поддержал создание в 1966 г. Добровольного общества охраны памятников истории и культуры Туркменистана и стал активно с ним сотрудничать (Пилявский 1971, 1972, 1973). Дружеские отношения с директором Института истории АН Туркменской ССР академиком Ага Каррыевым (1908–1976) во многом способствовали успеху его инициатив.

Венцом этой деятельности стала книга-альбом «Памятники архитектуры Туркменистана» (Каррыев, Пилявский 1974) – непревзойденное до сих пор издание по этой теме. Как составитель и научный редактор В. И. Пилявский объединил в этой книге большой массив материала по всей республике и сам написал несколько глав, проиллюстрировав собственными фотографиями, чертежами и акварельными рисунками. В сущности, написанное им занимает больше половины объема книги. Это очерки о памятниках оазиса Древнего Мерва, Хорезма и Каракумов, а также о строительной культуре колониального и советского периодов. Материал в ней структурирован по хронологическому и географическому признакам. Если оставить в стороне обязательный в те времена формационный подход к периодизации истории, то упрекнуть авторов можно лишь в том, что какие-то важные памятники не вошли в их труд. Однако, это не каталог и не свод, а первый и вполне удачный опыт создания панорамы развития архитектуры в пределах определенной территории от неолита до «развитого социализма». Это не монографическое, а массовое издание, выпущенное тиражом 10 000 экземпляров, которые давно стали библиографической редкостью и в буквальном смысле высоко ценятся у букинистов.

В Ленинградском отделении Стройиздата, где был издан этот альбом, в том же году вышло второе, переработанное и дополненное издание книги о Куны-Ургенче. Изъяв главу о Миздахкане, находящемся на территории Узбекистана, автор значительно расширил главы об ургенчских шедеврах, снабдив текст гораздо большим количеством иллюстраций. Внес он свою лепту и в одну давнюю и по-прежнему не закрытую дискуссию, высказав мысль о том, что «может быть, именно в Ургенче сформировался тип порталных сооружений, ставших традиционными со времен монгольского вторжения в Среднюю Азию» (Пилявский 1974: 68).

1974 год оказался на редкость продуктивным в публикаторской деятельности Владимира Ивановича: благодаря его хлопотам ленинградский

Стройиздат выпустил под его научной редакцией и вовсе уникальный альбом-монографию (*Нильсен, Манакова* 1974). Среднеазиатские коллеги – преподаватели кафедры истории и теории архитектуры Ташкентского политехнического института (ТашПИ) под руководством доктора исторических наук профессора В. А. Нильсена подготовили это издание, состоящее из полноцветных таблиц с фрагментами декоративного убранства зданий разных периодов истории архитектуры региона. «Орнаментальная выкладка кирпича и резная многоцветная терракота, мозаика, майолика, узорчатая кладка из изразцового кирпича, полихромная роспись по штукатурке — все это предстает в бесконечном многообразии и сочетаниях геометрического, шрифтового или растительного орнаментов, построение которых оказалось возможным благодаря высокой художественной одаренности народов Средней Азии и глубоким математическим познаниям, прежде всего геометрии», – отмечал Пилявский в предисловии (*Нильсен, Манакова* 1974: 5). Более ста аннотированных таблиц стали результатом обмеров памятников Бухары, Самарканда, Ташкента, Хивы и других городов, выполненных в разное время студентами архитектурного факультета ТашПИ, чьи фамилии указаны в аннотациях к таблицам.

Большую методическую помощь Пилявский оказал и своим ашхабадским коллегам Виталию Николаевичу Глинке (1904–1994), который добился в 1969 г. открытия архитектурного отделения в Туркменском политехническом институте, и заведующему кафедрой архитектуры, выпускнику МАРХИ Ата Курбанлиеву, ныне академику МААМ. В качестве приглашенного профессора Владимир Иванович приезжал в Ашхабад читать лекции по истории архитектуры для первого набора студентов-архитекторов этого вуза.

* * *

В. И. Пилявский писал свои труды в традиционном стиле советского академического архитектуроведения. Он стоял у истоков систематического научного изучения древней и современной архитектуры Туркменистана. Для него была очевидной необходимость использовать опыт прошлого как средство борьбы за гуманистические начала и цели архитектурного творчества. Не случайно для суперобложки книги «Памятники архитектуры Туркменистана» он выбрал два сюжета, которые наглядно выражают его взгляд на преемственность местных традиций в архитектуре: на лицевой стороне дан фрагмент гофрированной стены Большой Кыз-кала в Мерве, а на обратной стороне – такой же по масштабу и

ритму фрагмент главного фасада Государственной библиотеки в Ашхабаде. Её автор – академик Абдула Ахмедов сам признавал Большую Кыз-кала своим источником вдохновения при создании проекта библиотеки. Но он лишь впитал и трансформировал образ, знакомый ему с детства, чтобы создать абсолютно модернистский по своей сути проект. И Владимир Пилявский высоко оценил «резкий качественный скачок в развитии архитектуры советского Туркменистана в конце 1960 – начале 1970-х годов», определивший, по его словам, совершенно новую тональность застройки исторического центра Ашхабада, «архитектура которой современна и отличается полным отказом от стилизаторства и ретроспективизма» (*Каррыев, Пилявский* 1974: 325). Он также писал, что «лицо Ашхабада 1970-х определяет не стилизаторская архитектура в псевдонациональном характере, а сооружения, рожденные в творческом стремлении соединить в единое целое технические достижения в области строительства и рациональные решения [...] на принципах нового понимания красоты как функции целесообразного, при необходимом учете специфики природно-климатических особенностей Туркмении» (*Пилявский* 1972: 14).

Весьма неожиданно прозвучала такая оценка из уст человека, который всю жизнь занимался архитектурой русского барокко и классицизма, а также исламской архитектурой XII–XIV вв. В его время это были наиболее безопасные темы для исследований, а Владимир Иванович вовсе не был фрондером. Начало его учебы в вузе совпало с концом короткой и прекрасной эпохи русского авангарда. Понятно, что и он воспитывался в авангардном духе, ведь все студенты-архитекторы той поры знали творчество таких мэтров ленинградского конструктивизма, как Александр Никольский, Ной Троицкий, Андрей Оль или Владимир Гальперин. Все они, особенно Никольский, не говоря уже о студенческой молодежи, так или иначе испытали влияние художественной системы супрематизма Казимира Малевича и экспериментальной лаборатории Якова Чернихова. Но когда Пилявский приступал к своему дипломному проекту, началась коренная ломка не только стиля, но и самих основ методики архитектурного проектирования, достигших высокого уровня к началу 1930-х и сознательно выведенных из употребления (*Хмельницкий* 2015: 27). Конечно, вложенное в него в юности никуда не исчезло, а просто глубоко спряталось. В изменившихся условиях Пилявский предпочел быть не практиком «сталинского ампира», а историком далекого прошлого. Его проектная работа в молодые годы была, скорее, вынужденной, ради заработка, по-

этому при первой возможности, заняв прочное положение в ЛИСИ, он полностью от нее отказался. Но то восхищение, которое вызвали у него ашхабадские постройки Ахмедова в начале 1970-х, говорит о том, что он прекрасно понимал, где настоящая архитектура, а где её имитация. Эту раз-

ницу он ненавязчиво объяснял и своим студентам.

Судьба была к нему милостива: он чудом избежал репрессий, всю жизнь занимался любимым делом и оставил достойное наследие, к которому еще не раз будут возвращаться потомки.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Асанов 1971 – Асанов А. А. Памятники архитектуры средневекового Хорезма. Ташкент: Фан, 1971.
- Вайнберг, Костин 1958 – Вайнберг Б. И., Костин Г. С. Гоклен-медресе // КСИЭ XXX. М.: Изд-во АН СССР. С. 100–109.
- Демидов 2001 – Демидов С. М. Г. И. Карпов – историк, этнограф и общественный деятель Туркменистана // Вестник Евразии, № 3(14). М., 2001. С. 48–85.
- Каррыев, Пилявский 1974 – Каррыев А., Пилявский В. (ред.) Памятники архитектуры Туркменистана. Л.: Стройиздат, Лен. отделение, 1974.
- Кдырниязовы 2013 – Кдырниязов О.-Ш., Кдырниязов М.-Ш. Мазлумхан-сулу – уникальный памятник Хорезма эпохи Золотой орды // Поволжская археология. 2013, № 4 (6). С. 192–199.
- Нильсен, Манакова 1974 – Нильсен В. А., Манакова В. Н. Архитектурный декор памятников Узбекистана. Л.: Стройиздат, Лен. отделение, 1974.
- Пилипко 2005 – Пилипко В. Н. Первопроходец // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XV. М.-Магнитогорск, 2005. С. 4–9.
- Пилявский 1939 – Пилявский В. И. Мавзолей Тюрабек-ханым // Архитектурные памятники Туркменистана. Вып. 1. М.-Ашхабад, Издание Академии архитектуры СССР, 1939. С. 51–64.
- Пилявский 1940 – Пилявский В. И. Архитектурное наследие Средней Азии // Архитектура Ленинграда, 1940, № 1. С. 42–48.
- Пилявский 1941 – Пилявский В. И. Гофрированные постройки Средней Азии // Архитектура СССР, 1941, № 5. С. 59–62.
- Пилявский 1947 – Пилявский В. И. Сырцовые сооружения Древнего Мерва // Новые исследования по истории архитектуры народов СССР (Сообщения Института истории и теории архитектуры. вып. 8). М.: 1947.
- Пилявский 1948 – Пилявский В. И. Ургенч и Миздахкан. М., Изд-во Академии архитектуры СССР. 1948.
- Пилявский 1950 – Пилявский В. И. Архитектура Древнего Мерва // Научные труды ЛИСИ, вып. 10, Архитектурный факультет. М.-Л.: Госиздат архитектуры и градостроительства, 1950. С. 95–122.
- Пилявский 1971 – Пилявский В. И. Загадка мавзолеев Куны-Ургенча // Памятники Туркменистана, 1971, №1(11). С. 15–17.
- Пилявский 1972 – Пилявский В. И. Памятники Советского Туркменистана // Памятники Туркменистана, 1972, №2 (14). С. 9–15.
- Пилявский 1973 – Пилявский В. И. Реставрация древних мавзолеев в Мерве // Памятники Туркменистана, 1973, №2 (16). С. 16–20.
- Пилявский 1974 – Пилявский В. И. Куны-Ургенч. 2-е изд. Л.: Стройиздат, Лен. отделение, 1974.
- Пугаченкова 1958 – Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. (Труды ЮТАКЭ, т. VI). М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- Толстов 1941 – Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма // ВДИ. 1941, №1. С. 155–184.
- Филимонов 1967 – Филимонов В. М. Уникальный памятник гражданского зодчества дворец Мазлумхан-Сулу // Материалы и исследования по истории реставрации архитектурных памятников Узбекистана. Вып. I. Ташкент: Изд-во им. Гафура Гуляма, 1967. С. 62–83.
- Хмельницкий 1992 – Хмельницкий С. Между арабам и тюрками. Раннеисламская архитектура Средней Азии. Берлин – Рига: Continent, 1992.
- Хмельницкий 2015 – Хмельницкий Д. С. Наследие С. О. Хан-Магомедова: значение, проблемы, лакуны // Хан-Магомедовские чтения, М.-СПб.: Коло, 2015. С. 26–34.
- Ягодин, Ходжайов 1970 – Ягодин В. Н, Ходжайов Т. К. Некрополь древнего Миздахкана. Ташкент: Фан, 1970.
- Якубовский 1930 – Якубовский А. Ю. Развалины Ургенча (Известия Государственной академии истории материальной культуры, т. VI, вып. II). Л.: ГАИМК, 1930.